

Бакурина Алина

СКАЗКИ ИЗ ШЕРСТИ

Алина Бакурина

Сказки из шерсти

«Автор»

2022

Бакурина А. Р.

Сказки из шерсти / А. Р. Бакурина — «Автор», 2022

ISBN 978-5-532-90583-2

В дремучей чаще человеческой души сокрыты надежды, страхи, желания. Душа, преодолевая тысячи преград, зверем мчится за разноцветным клубком чувств, что катится по кривым тропам и, в конце концов, выводит к озеру, показывая душе её истинное отражение. В сборнике «Сказки из шерсти» животные, птицы и люди разгадывают тайны, ищут ответы на мучающие их вопросы и смело идут навстречу неизведанному. Сказка переплетается с былью, выдумка отражает правду, а в нити повествования спрятана знакомая каждому пережитая реальность.

ISBN 978-5-532-90583-2

© Бакурина А. Р., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Дар света	5
Монах и язычник	9
Бегство	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алина Бакурина

Сказки из шерсти

Дар света

Шум на улице мешал достигнуть тишины в сознании. Мужчина старался двигаться плавно против течения толпы. Выходило плохо. Его постоянно задевали плечами, наступали на ноги.

Пахло помоями и прокисшим молоком. Меховой капюшон срывало с головы ветром, приходилось придерживать его рукой, чтобы вновь скрыть лицо в тени плотной ткани. Липкая дорожная грязь цеплялась за ветхую обувь, которая вот-вот должна развалиться.

Широкий шаг через пузырящуюся лужу, и он стоит на скользком деревянном крыльце. Ступеньки чистые, значит сегодня он первый.

Вырвавшись из потока людей, мужчина почувствовал облегчение, но оно тут же сменилось волнением. А может не стоит? Может он справится сам? Ответом на вопросы послужили жуткие воспоминания о снах, которые преследовали его последние недели.

Над головой раздался горловой скрип. Мужчина вздрогнул и обернулся. Бусинки угольных глаз смотрели на него не моргая. Крупный ворон спрятал крылья за спину и вновь гаркнул. От неожиданности возник ошибочный порыв отогнать птицу. Но если бы кто-нибудь на этом пороге действительно позволил бы себе махнуть рукой на ворона, он бы перечеркнул не только свои ближайшие намерения, но и обрушил на себя гнев другого мира, с которым сам же шёл на сделку.

Медленно сняв капюшон, мужчина показал ворону смуглое лицо и почтительно поклонился, прижав правую ладонь к области сердца, что билось как сумасшедшее о грудную клетку. Ворон небрежно встряхнул крыльями и улетел, оттолкнувшись лапками о поручень крыльца.

У мужчины возникло острое желание перекреститься, но он взял себя в руки и, стянув у порога грязную обувь, толкнул входную дверь неприглядного жилища.

Уличный гул остался за дверью. В помещении царила давящая тишина и так же, как уличный шум, мешала сосредоточиться. После солнечного ясного дня глазам было сложно привыкнуть к сумеркам дома.

Мужчина схватился за голову, указательными пальцами массируя виски, тишина обратилась звоном в ушах.

– Дело не в том, что тебя окружает, а в том, что ты с собой несёшь, – проговорил женский голос, в интонации которого слышалась печальная усталость, – Что ты мне принёс?

Глаза девушки сверкнули так же, как бусинки глаз ворона, когда тот разглядывал пришельца.

Она стояла возле распахнутого настежь окна, увлечённая кормлением птицы, которая минуту назад так напугала мужчину. Он был уверен в том, что это тот самый ворон. Только эта птица так нагло могла смотреть на приходящих сюда просителей. Мощным клювом она с осторожностью брала из рук седовласой девушки кусочки красного мяса.

Звон в ушах сменил озноб, иголками поднявшийся к затылку по позвоночнику. Мужчина глазами нашёл скамейку и метнулся к ней. Ноги подкосились, и он с шумом бухнулся на деревянную поверхность. На лбу проступила испарина волнения.

Он не понимал, что с ним происходит. Жалел, что пришёл. Непонятный ужас сковывал движения и мучил изнутри. Шумно вдохнув воздух, он ощутил запах хвои. Загоревшееся волнением лицо обдало свежим ветром с открытого окна.

– Чего только не надумают люди, а потом я виновата в том, что вы доводите себя до инфаркта, – девушка с умилением почесала шею ворону, не обращая внимания на страдания мужчины, – Это же надо уметь, так пугаться без всяких на то причин. Зачем пришёл, если боишься? Дыши.

Мужчина, игнорируя вопросы, прислушался к совету. Дрожащими пальцами он снял капельки пота со лба и сделал несколько вдохов-выдохов. Овладев собой, он понял, что ведёт себя глупо.

– Прости меня, Ил, – он поторопился встать со скамейки, смотря на девушку исподлобья. Стало стыдно за то, что забылся, где находится, и за то, что дал слабину перед собственными страхами. – Я не боюсь.

Голос чуть не подвёл владельца, но мужчина уже более уверенно смотрел на Ил. Девушка никак не реагировала на недостойное для здорового мужчины неумение контролировать себя с самого начала.

«Наверное, она много повидала таких, как я, колеблющихся и потерянных». Так он себя утешал.

– Ииил, – гаркнул ворон, распушив перья и прикрыв пронзающие душу глаза-бусинки. Мужчина снова вздрогнул, но тут же оправился и вытянулся во весь рост, всем видом показывая, что уважает хозяйку дома. Шея сама тянулась к полу, не позволяя выпячивать подбородок.

– Я слушаю тебя, – Ил отвернулась от ворона и ясными глазами посмотрела на гостя. Седые волосы тихо поднимались и опускались на ветру, спускаясь шёлковыми прядями по плечам, завёрнутым в плотную шаль. И снова мужчина вздрогнул, внутренне злясь на себя за нерешительность. Сосновый воздух успокоил и прояснил голову, взяв верх над волнением. Сухой язык прилип к нёбу. Просить воды неудобно.

Он знал, что ему здесь не обрадуются, но не был готов так близко чувствовать безразличие Ил ко всему окружающему и к себе самому. Её тепло предназначалось только ворону, остальных ждала лишь холодная стена равнодушия. Так принято было считать в забытом Богом поселении.

В её вопросах не звучало ни интереса, ни любопытства. Мужчине стало обидно. Неужели ей не хочется узнать, что он принёс ей? Такое получают не каждый день и даже не каждую жизнь.

Ил продолжала ждать, явно не собираясь помогать пришедшему сформулировать цель визита. Всё же не всех гостей она встречала с такой грустью и безразличием. И он знал об этом. И злился. Ожидал, что его встретят иначе. Несмотря на страх перед Ил, ему хотелось беседы с ней.

Каждый, кто приходил к девушке, после встречи всегда делился впечатлениями с другими. Люди скрывали причины своего похода, но любили наделять всеми возможными и невозможными качествами Ил. Кто-то говорил о ней с любовью, кто-то с разочарованием, кто-то осуждал. Разные люди испытывали разные чувства по отношению к ней, и все знали, что она не испытывает никаких чувств ни к одному из них. Кого-то это устраивало, кого-то нет. Ищущие частых встреч с Ил никогда не находили её. Каждый ворон, которого начинали преследовать, чтобы найти девушку, при приближении оказывался обычной вороной или галкой.

Мужчина с силой отогнал слепящие ожидания. Нет, он не такой, как остальные. Он пришёл к Ил с определённой целью и исполнит её. Он склонится перед девушкой с уважением, но не позволит себе додумать, обезобразить её образ личными чувствами.

– Ты права, во мне нет покоя, и зря я ищу его в окружении, но мне так страшно смотреть в себя, – мужчина справился с внутренней дрожью и ответил на взгляд Ил полным уверенности взглядом. С каждой секундой напряжение с его тела спадало, и оно наполнялось спокойной тяжестью.

Глаза девушки стали казаться обволакивающими и располагающими, развязывающими закостеневший язык.

– Я пришёл к тебе потому, что мне страшно. Я хожу среди людей, как они ем пищу и пью воду. Я кочую из города в город, из одного поселения в другое.

Я всегда делил мир на чёрное и белое, не замечая, какое обилие красок на самом деле содержится в нём. Я боролся за правду, не зная, что существует не только моя правда, я поступал нечестно, оправдывая себя своей правотой. Я понял, что теряю себя, что моя верность принципам и вере губит тех, кто меня окружает, и мне страшно.

Я не научен жить иначе, но хочу учиться. Я пришёл к тебе, потому что ты хранитель всего, что так дорого нам, глупым людям. Я пришёл отдать часть своей души, чтобы ты сберегла её. Я чувствую, что ступаю на страшный и сложный путь, что могу сломаться под давлением невежества и фанатизма толпы, в которой привык искать правду, и, если я потеряюсь ещё сильнее, если во мне умрут любовь, ценности и принципы, что дороги мне, я хочу, чтобы в этом огромном мире хоть где-то остался тот кусочек моей души, который я не успел запечатать, который наполнит светом то, что может обратиться во тьму...

Сердце билось в ушах, мужчина взял себя за похолодевшие руки и опустил взгляд. Он так сильно сжимал одну руку другой, что побелели костяшки. Скажи он подобное кому-нибудь из той зловонной толпы, через которую он только что прошёл, над ним бы посмеялись даже те, кто сам испытывает подобные страхи, лёжа в постели бессонными ночами, когда на ум приходят вопросы:

«Что я сделал за свою жизнь хорошего? Что я творю со своей жизнью?».

Улыбка не коснулась губ Ил, а ворон не моргая смотрел на мужчину. И так неловко тому было, даже стыдно почему-то.

– Хорошо, – задумчиво проговорила девушка, и слова её сломали тишину, – Погоди!

Она шикнула на птицу, вскинув палец хрупкой руки, хотя ворон, как казалось на первый взгляд, не сделал ни малейшего движения и не издал ни звука. На движение Ил ворон недоброво вздрогнул и раскрыл крылья, но вновь сложил, когда девушка опустила руку.

– Я возьму у тебя то, что ты принёс. Первое время тебе будет и вправду тяжело, ведь всё, чем ты живёшь, не будет ни чёрным, ни белым, ни цветным. Краски поблекнут, но, может, именно это и поможет тебе в поисках. Ты знаешь, я всегда возвращаю то, что беру. Меня легко найти человеку, который хочет мне что-то отдать. Меня трудно найти человеку, который хочет у меня что-то забрать. Но возможно. Я не скажу тебе большего. Я вижу, что сейчас ты напуган, а напуганный человек, как зверь, ничего не слышит и не видит, только защищается. Я знаю, что однажды у тебя получится найти меня. Или даже я сама найду тебя...

Ворон громко гаркнул, агрессивно растопырив крылья, и с вызовом посмотрел на гостя. Ил как будто удержала его, сделав лёгкое движение в сторону птицы. Мужчина продолжал смотреть в пол и слушать девушку, каждая мышца в теле была напряжена, он чувствовал, что ворон может напасть, только было непонятно по какой причине.

– Я всё обдумал и готов. Я нуждаюсь в этом. Иначе бы не пришёл, – он оторвал взгляд от пола и протянул руку вперёд, ладонью к полу.

Ил подошла к мужчине и приложила руку к его ладонью вверх. Их ладони соприкоснулись всего на пару секунд, и Ил, одёрнув руку, сразу согнула её в локте.

Ворон деловито вспорхнул и уселся на предплечье девушки, некрепко сжимая его когтями.

– Уходи, – она увидела, что мужчина собирается что-то сказать ей, но оборвала его.

В глазах гостя читалась растерянность. Он испытывал лёгкость. Лёгкость потери. Он искал в себе эмоции и находил их. Эмоции были. Все целы, на месте, но они больше не будоражили так сильно, не выбивали из колеи обыденности. Мужчина почувствовал себя таким гибким и свободным, что чуть не подкосились ноги.

Понимая, что их встреча с Ил окончена, мужчина поклонился до земли, прижимая правую руку к сердцу, и на ватных ногах вышел из дома.

Сосновая свежесть воздуха сменилась уличной вонью, сумеречный свет помещения ярким солнцем, стоящим в зените, звенящая тишина гвалтом обезумевших от жары людей.

Мужчина спрятался от света под капюшоном. Обувшись, он вновь оказался в грязи, среди людей. Услышав знакомый звук, он поднял глаза к небу. Ворон летел прямо на него. Испугавшись, мужчина поспешил защитить рукой глаза и вжал голову в плечи.

Птица вцепилась острыми когтями в капюшон, сорвала с головы мужчины и рванула, стремясь вверх. Ткань со скрипом разошлась, заставив мужчину пошатнуться от неожиданно сильного напора. Ворон пролетел несколько кругов над его головой и бросил оторванный капюшон страннику под ноги.

Мужчина смотрел, как скрывавшая столько времени лицо ткань моментально намокла и запачкалась в склизкой грязи, превратившись в тряпку. Потом он, вытянув шею из плеч и выпрямив спину, поднял голову. И увидел свет.

Монах и язычник

Жил-был монах. И были у него грустные глаза от терзаний внутренних, спина сгорбленная от грехов надуманных, тянущих сердце его к земле. И искал он себе больших страданий, надеясь и упиваясь мыслями о том, что, чем тяжелее крест его будет, тем вероятнее всего попадёт он в Царствие небесное, с Господом своим встретится и склонится перед ним в молитве искренней.

Идущий путём своим тернистым он нередко встречал попутчиков и мимо проходил, никого не замечая. На промежутке колючем, труднопроходимом, встретил он, утомлённый путём своим, язычника.

Детский ясный взор язычника открыто устремлён был на монаха, оберег резной шею его охватывал, и путь свой шёл он нескладно, вертясь и оборачиваясь, интересуясь всем, что на пути его встречается, и Богов своих из вида в терниях не теряя.

Смело подошёл язычник к монаху, в лицо его заглянуть пытаясь и под шаги уверенные подстраиваясь.

– Куда идёшь, монах, и что с собой несёшь?

– Я иду через тернии к Господу своему, смирение своё несу ему. А ты, язычник? Не стыдно тебе веру истинную предавать? Пути верному не следовать? Отойди же от меня, язычник.

– О, светлый монах, может и прав ты, но погляди, мы идём с тобой рядом, нога в ногу, и головы наши устремлены в одну сторону. Ты горбишься перед Богом своим и глаза прячешь, устремляя их в землю, я же по сторонам смотрю, небо вижу, перемены на нём и готовлюсь к этим переменам. Я не прошу прощения у своих Богов, а слушаю, что говорят они мне. Ты не желаешь идти со мной рядом, монах? Ты презираешь и брезгаешь мной? Разве Господь твой учит тебя нести своё смирение только Ему? А как же те, кто окружает тебя? Разум ослеп твой, если взгляд твой бродит только под ногами твоими. Ты прячешь его от жизни настоящей, а то, что смирением зовёшь, не что иное, как гордыня за веру свою.

Приздумался монах, речь язычника внимательно слушая. Возразить хотел, но не посмел, и лишь голову свою всё выше поднимал, спину выпрямляя, чтобы собеседника глаза увидеть.

– Прости меня, язычник. В молитвах взгляд мой затуманился, в страдании своём и стремлении к Господу забыл я, что среди людей хожу, и вправду разум мой ослеп, и возгордился я. Вера моя крепка, но забыл я об уважении к инакомыслию, ты уж прости меня, язычник. Я вижу, ты идёшь рядом со мной, и путь наш схож, глаза наши устремлены в одну сторону, а смотрят по-разному. Спасибо тебе за то, что разделил со мной эту дорогу, что вернул своими словами истину в моё сердце.

– Я рад, что смог помочь тебе, монах. Посмотри же, как славно мы прошли эту дорогу вместе. Спасибо и тебе за то, что открытостью речи моей ты напомнил сердцу моему о том, как важно признавать ошибки свои и исправлять их, оставаясь верным пути своему.

Хорошо стало идти монаху рядом с язычником. Глаза монаха наполнились радостью, а спина сгорбленная расправилась.

Хорошо стало идти язычнику рядом с монахом. Умолк язычник, перестал вертеться и крепко сжал свой оберег.

Бегство

Взъерошенные ели наблюдали, как сбрасывают цветастые наряды лиственные деревья, как наряды эти покрывают землю. Галдели птицы, суетливо гонял пыль восточный ветер. Олень мелко перебирал ногами, ломая ветки, сминая стелющуюся по земле траву. Уши были мирно прижаты к голове, животное водило носом, касаясь пожелтевших листьев в поисках съестного.

– Мама, мне больно, – девочка дала укрыть себя матери шерстяным одеялом и, жалобно скуля, забралась под него с головой. По крохотному телу точками пробежал болезненный озноб, глаза ребёнка застелил туман страха. Больше не было сил находиться в сознании, мысли мутнели и путались, но руки с силой сжимали не дающее отчего-то тепло одеяло, искали покоя поверх него, – Мама, пожалуйста, подойди.

В чаще леса брёл через болотную топь, обходя вязкую трясику, бурый медведь. Влажная земля опускалась под тяжёлыми лапами, следы моментально заполнялись водой. Фыркая, зверь попятился назад, надеясь вернуться к твёрдой почве, но оказался в ловушке. Шерсть его вздыбилась, острый взор застелил идущий с болот туман.

– Сейчас. Я здесь, – обеспокоенная мать села на край кровати. Её ладонь нежно скользнула по покрывшемуся потом лбу дочери. Девочка сжалась в очередной судороге, стискивая челюсть до скрежета зубов. Она схватилась за руку матери, беспокойно прижимая к себе, успокаиваясь живым теплом и присутствием родного человека.

Ухо оленя невольно вздрогнуло и поднялось, уловив посторонний звук в гармонии осеннего леса. Секунда, и расслабленное тело животного собралось в напряжённую пружину, готовую разжаться в любой момент. Интенсивно водя носом по воздуху, олень замер. Острый слух потревожило вторжение чего-то смертельно опасного. Животное нерешительно перетапталось с места на место, не уверенное в том, куда бежать, чтобы спастись.

– Придумай что-нибудь. Мне больно. Как же больно! Я больше не могу, – шёпот девочки наполнился беспомощным ужасом. Ещё никогда она не чувствовала себя так плохо. Спазмы скрутили мышцы так, что она не могла долго находиться в одном положении. Девочка отбросила одеяло, но руку матери не отпустила. Она свято верила в то, что мать знает, что делать и может спасти её одним своим присутствием. По-другому и быть не могло, ведь мама всегда знает что делать. Глаза ребёнка встречались с глазами матери и находили в них отражение своего отчаяния. Невозможно было закрыть их, ведь там, в темноте, намного страшнее, чем наяву.

Метаясь среди болот, косолапый совсем отчаялся. Будто слепой он повернул обратно, доламывая прутья, уцелевшие после его первого вторжения. Ноздрей хищника коснулся приторный аромат. Уставший медведь споткнулся, задел колючий куст, спугнув заливающихся пением птиц, и боком ударился о ствол дерева. Усталость сделала его неуклюжим, но аромат усиливался и звал. Медведь не обратил внимания на испуганных птиц, взлетевших к безоблачному небу, ведь он во плоти увидел источник манящего запаха.

– Давай я принесу тебе воды. Давай попьём, хочешь? – мать гладила дрожащую руку девочки. Она заметила, что кожа дочери приобрела землистый оттенок.

– Нет, нет! Только не оставляй меня! – девочка с усилием выговаривала слова, задыхалась в них. Она не могла остаться одна. Только не сейчас. Панический страх неконтролируемой боли, поглощающей тело, делал напряжение ещё более невыносимым. От очередной волны приступа она вскинулась на кровати, – Не могу! Больше не могу это терпеть! Пожалуйста...

Всё произошло быстро. Инстинкт превыше всего. Олень пружинил по мягкой почве, оставляя следы копыт, тревожа ими землю. Листья разлетались от усиленного движением ветра. Медведь начал преследование с каким-то остервенением, усталость в теле перестала существовать, обратившись в единственно важную цель – нагнать жертву, растерзать, выместить на ней гнев и боль.

Женщине передалась паника дочери. Незнание как помочь своему ребёнку приводило её в замешательство.

Вызвать врача – слишком глубоко в глуши они находились.

Дать обезболивающее – рука девочки сжимала материнскую с такой силой, что она не посмела оставить дочь одну даже на секунду.

– Ложись, ложись обратно. Иди сюда, – свободной рукой она обхватила дочь за хрупкие плечики, придвигая к себе и прижимая к груди её голову, – Всё будет хорошо... обещаю. Я не собираюсь тебя бросать. Я здесь. Рядом.

Девочка вцепилась в запястье матери, сжимая его с той же силой, с которой сама чувствовала боль. Ей было стыдно, но она была готова умолять мать забрать боль себе. Она бессовестно жаждала отдать её близкому человеку, только бы эта пытка закончилась.

Медведь с лёгкостью преодолевал препятствия. От неуклюжести не осталось и следа, он летел по лесу, замечая своими следами следы оленя. Лоснящаяся шерсть колыхалась в такт бега, тяжёлый вес не влиял на быстроту движения.

В надежде на спасение олень петлял между соснами, вёл преследователя запутанными тропами. Чувя неладное, он поджимал задние ноги, тем самым теряя скорость, но наращивая силу для защитного удара. Какое-то мгновение, и медведь совершил рывок, загребая лапами. Замах пришёлся по бедру оленя и оставил глубокие царапины на нежной шкуре. Жертва взбрыкнула, покачнулась, теряя равновесие, но продолжила бежать. Окровавленные когти преследователя оставляли багряные следы на пожухлой грязно-жёлтой листве.

Запястье матери начало принимать синевато-серый оттенок, а кровь отхлынула от кисти. Женщина продолжала качать девочку, поглаживая свободной рукой её шелковистые волосы.

– Дорогая, ты делаешь мне больно. Я понимаю, что тебе плохо, и правда не знаю, чем помочь. Давай попробуем лечь в кровать? – она разговаривала с дочерью полусёпотом, пряча за ним выматывающее напряжение.

С малых лет её дочь страдала подобными недомоганиями. И на всей земле не оказалось ни одного человека, способного помочь им справиться с горем. Только она и дочь. Каждый приступ дочери женщина переносила так же трудно, как и девочка. Но в этот раз приступ затянулся. Находясь рядом с дочерью, волнуясь за неё, мать впервые ощутила такое гнетущее бессилие. Она хотела отнять руку, но девочка так упрямо зацепилась за запястье, что вырваться и оставить её было бы чудовищным поступком. Оставалось терпеть в надежде на то, что это как-то облегчит страдания дочери. В ушах зазвенело, во рту стало сухо. Мать не вырвала руки, но сдвинула голову девочки себе на колени и свободной рукой гладила сжимающую её запястье руку, чтобы та хоть немного ослабила хватку.

Медведь лязгал зубами по воздуху, вздымал когтями землю, неотступно преследуя цель. Олень, давшись в смертельные лапы однажды, не уступал и пружинил между расщелинами. Оба зверя выскочили к реке и оказались на поросшей вереском поляне. Оставшись без защиты леса, олень двинулся вниз по течению. Медведь следом. Буйная река перескакивала пороги, разбрасываясь брызгами пены. Ветер переменялся.

Судороги отпустили мышцы, оставив после себя утомление и апатию. Ребёнка окутала сонливость, тело расслабилось и стало свинцовым. Девочка не отпускала запястье матери, но и не сжимала его. Сбившееся дыхание выравнивалось, сознание приготовилось погрузиться в сон.

Ветер переменялся. Олень прихрамывал, но не сдавался и двигался вперёд. Прибрежные валуны мешали бежать. Готовый принять бой, попытаться защититься, он обернулся назад. Медведя за ним не было.

Косолапый остался на поляне и, щурясь от солнца, сидел среди кустов черники. Почему-то только сейчас он заметил, что выпутался из своей безнадёжной истории – ушёл с топких болот. Только сейчас массивное тело оставило желание убивать, возникшее из-за ужаса перед собственной смертью. Олень перестал его интересовать, напряжённые мышцы расслабились, острые зубы и когти, готовые растерзать жертву, спрятались под волосяным покровом. Отряхнувшись, он развалился на поляне и равнодушным взглядом проводил спасающегося оленя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.